

Умершая от болезни мать, пристрастный отец, жестокая мачеха и роскошные сады — какой же это выбор? Он горько усмехнулся. Разве это можно назвать выбором? Кто захочет умирать, если есть шанс выжить? Да и тогда, если бы его наставник не забрал его в Лагерь Теневых Стражей, он всё равно мог бы его спасти. Начальник лагеря владел множеством тайных снадобий, стоило лишь поднять палец, чтобы спасти его. Но, увидев в нём потенциал для боевых искусств, он втянул законного наследника дома графа Цзиньсяна в этот мрачный заточенный мир, из которого невозможно было вырваться.

Сейчас он жив и не хочет умирать, но за спасение, которое ему даровал наставник, он не чувствует ни капли благодарности. Этот долг он уже давно оплатил своей свободой.

В его сознании мелькнул образ молодой девушки, и сердце сжалось от боли.

Если бы он всё ещё был законным наследником дома графа Цзиньсяна, мог бы он открыто просить её руки? Ему бы не пришлось терпеть эту бесконечную, пронзающую сердце агонию.

Если бы Лу Минцзэ узнал его мысли, он бы безжалостно высмеял его.

По его мнению, каждый должен нести ответственность за свой выбор. Что бы ты ни выбрал, ты должен принять последствия. Даже если Жун Ань тогда был всего лишь десятилетним ребёнком, разве он был глупцом? Разве он не мог думать? Если он мог, то не стоит жаловаться на настоящее, ведь это был его собственный выбор. Он сам посеял семена, но не хочет пожинать плоды, лишь убегая от реальности и обвиняя других. Как мужчина может быть таким безответственным?

Кроме того, если бы Жун Ань не представлял собой ценности, зачем бы бывший начальник Теневых Стражей стал его спасать? Конечно, в мире есть хорошие люди, готовые помогать незнакомцам без всякой выгоды, но разве человек вроде начальника Теневых Стражей мог быть столь милосердным? Даже если Жун Ань действительно встретил недоброго человека, который спас его, а затем потребовал плату, разве это лишает спасение статуса благодеяния? Иными словами, разве в глазах Жун Аня спасение жизни — это бесплатный обед?

Однако Лу Минцзэ не обладал способностью читать мысли, но его цель была ясна: он непременно вытащит Жун Аня из Лагеря Теневых Стражей. Остаётся только решить, оставить его в живых или убить — выбор действительно непростой.

Оставить его в живых можно, чтобы он внёс разлад между главным героем и героиней, используя его остаточную ценность, но это также чревато множеством проблем. Однако сейчас он был в хорошем настроении, поэтому решил пока пощадить его.

В глубоком раздумье он произнёс:

— Жун Ань, я всегда был уверен в тебе, но ты меня сильно разочаровал. Однако, учитывая наши многолетние отношения, я не хочу тебя убивать.

На его лице читалась печаль:

— Я догадываюсь, о чём ты думаешь. Возьми противоядие и иди своей дорогой.

Идти своей дорогой?

Жун Ань словно был поражён неожиданной удачей. Его радость была даже сильнее, чем у Су Вэньцина, когда тот узнал, что его перевели из тени на свет.

Ведь чем больше надежда, тем глубже радость от её исполнения.

Ань Цзю не испытывал столь острой необходимости, поэтому не был столь взволнован, как Жун Ань.

Лу Минцзэ, наблюдая за его нескрываемой радостью, вновь убедился в недостатке интеллекта этого второстепенного персонажа.

Разве в роли скрытного начальника Теневых Стражей он не должен был бы сейчас обнимать ноги императора, рыдая о своей нежелании уходить? Такое поведение, будто он сбегает из ада, если бы Лу Минцзэ захотел его убить, его жизнь уже давно бы закончилась.

Жун Ань аккуратно и серьёзно поклонился императору три раза, полностью забыв о чистке в Лагере Теневых Стражей. Теперь, когда император даровал ему свободу, это событие затмило мрак гибели его братьев.

Он даже почувствовал благодарность к императору. Однако, если бы император помог ему вернуться в дом графа Цзиньсяна, это было бы идеально.

Эта мысль мелькнула в его голове, но прежде чем он успел попросить, император продолжил:

— Хотя я даровал тебе свободу, помни, что прошлое отныне не имеет к тебе никакого отношения. Не возвращайся в дом графа Цзиньсяна, и ни слова о Лагере Теневых Стражей. Иначе... — Лу Минцзэ улыбнулся многозначительно. — Я не из тех, кто проявляет милосердие. Я прекрасно знаю, к кому ты неравнодушен.

Жун Ань вздрогнул, хотел возразить, но, подняв голову, увидел молодого охранника, стоявшего за императором с опущенной головой, и узнал в нём Ань Цзю. Его охватило изумление. Что произошло в его отсутствие? Почему Ань Цзю оказался рядом с императором?

Он хотел спросить, но услышал голос евнуха Фу за дверью:

— Ваше Величество, наставник Цяо просит аудиенции.

Лу Минцзэ почувствовал лёгкую радость. Похоже, героиня всё же способна на многое, раз так быстро заставила Цяо Чжихэ сдаться.

Жун Ань же был ошеломлён. Цяо Чжихэ? Разве это не отец Цяо Жовэй?

Через мгновение Цяо Чжихэ вошёл в официальном одеянии первого ранга, его лицо было серьёзным:

— Ваш слуга приветствует Ваше Величество.

Лу Минцзэ мягко улыбнулся, поднялся с места и лично помог Цяо Чжихэ подняться:

— Учитель, не стоит так церемониться.

Цяо Чжихэ оставался почтительным:

— Этикет нельзя нарушать.

Лу Минцзэ не хотел затягивать с формальностями и вернулся на своё место, по пути подмигнув Су Вэньцину, который старался оставаться незаметным за его спиной.

А-Цин уже давно стоял из-за этих людей.

Неизвестно, когда удастся избавиться от этого наставника, главы учёных.

Лу Минцзэ снова сел, и Цяо Чжихэ, не отвлекаясь на пустые разговоры, сразу перешёл к делу:

— Сегодня я пришёл с неудобной просьбой.

Лу Минцзэ улыбнулся:

— Учитель, говорите прямо. Вы мой наставник, какая может быть неудобная просьба?

Он был искренен, но Цяо Чжихэ почувствовал, как лицо его загорелось.

Если бы не угрозы дочери голодовкой, он бы никогда не осмелился на такое. Император уже издал указ, и его нельзя отменить.

— Я...

Он с трудом произнёс:

— У меня есть дочь, которая давно восхищается князем Цзинем. Однако Ваше Величество уже обручил мисс Сунь с князем, и я вынужден просить о милости.

Не говоря уже о том, как больно было Жун Аню услышать, что его возлюбленная любит другого, Лу Минцзэ сделал вид, что потрясён:

— Моя младшая сестра восхищается князем Цзинем? Значит, это моя ошибка. Я думал, что мисс Сунь достойна стать главной супругой князя, но не ожидал, что это ранит сердце младшей сестры.

На лице Лу Минцзэ читалось сожаление.

Цяо Чжихэ, видя это, почувствовал, что его просьба становится всё более неубедительной:

— Я... Я понимаю, что мисс Сунь и резиденция князя Цзиня подходят друг другу, но у меня только одна дочь, и я не могу допустить, чтобы она страдала. Если бы не её настойчивые мольбы, я бы не осмелился просить об этом у Вашего Величества.

Лу Минцзэ слегка удивился. Неужели наставник Цяо недостаточно умен или просто не церемонится с ним, говоря, будто Цяо Жовэй сама навязывается? Даже если это так, разве отец должен быть столь откровенным?

— Однако указ уже издан, — на лице Лу Минцзэ появилось замешательство. — Слово императора нерушимо. Если сегодня я сделаю исключение для учителя, как мне заслужить доверие чиновников в будущем? В конце концов, это всего лишь вопрос брака. Если настаивать на отмене указа, это покажет, что Цяо Чжихэ слишком самонадеян.

Цяо Чжихэ, очевидно, понимал это и знал, что отмена указа невозможна. Он вновь проклял князя Цзиня в своём сердце. Как он смог обмануть Вэйвэй, что его гордая дочь согласилась стать его побочной супругой? Если раньше он считал князя Цзиня талантливым юношей, то теперь видел в нём лишь позолоту.

Цяо Чжихэ сгорбился, словно постарев на несколько лет:

— Я знаю, что указ уже издан и его нельзя отменить. Я лишь прошу, чтобы Ваше Величество даровал моей дочери титул побочной супруги князя Цзиня.

Лу Минцзэ заколебался:

— Как это возможно? Моя младшая сестра благородного происхождения. Если учитель не против, я слышал, что семья Янь из Цюйчжоу славится своими традициями. Почему бы не обручить её с их старшим сыном?

Цяо Чжихэ загорелся. Семья Янь действительно была знатной, с традицией не брать наложниц до сорока лет без наследника. Их старший сын был известным талантливым юношей. С обручением от императора, этот брак был бы идеальным.

Однако в следующее мгновение он вспомнил упрямый взгляд дочери, который она бросила ему, уходя из дома, полный решимости идти до конца.

<http://bllate.org/book/16840/1549219>